

9
W-33

ИЗДАНИЕ
С.П.Тригорова

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ

ТОМ I · N° 3

BULLETIN DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES
DE L'UNION DES RÉPUBLIQUES SOVIÉTIQUES SOCIALISTES

SÉRIE HISTORIQUE ET PHILOSOPHIQUE

Российский Институт истории
и философии
библиотека

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1944 MOSCOU

БИБЛИОТЕКА
И.И.С.
Исс. № _____

Редакционная коллегия:

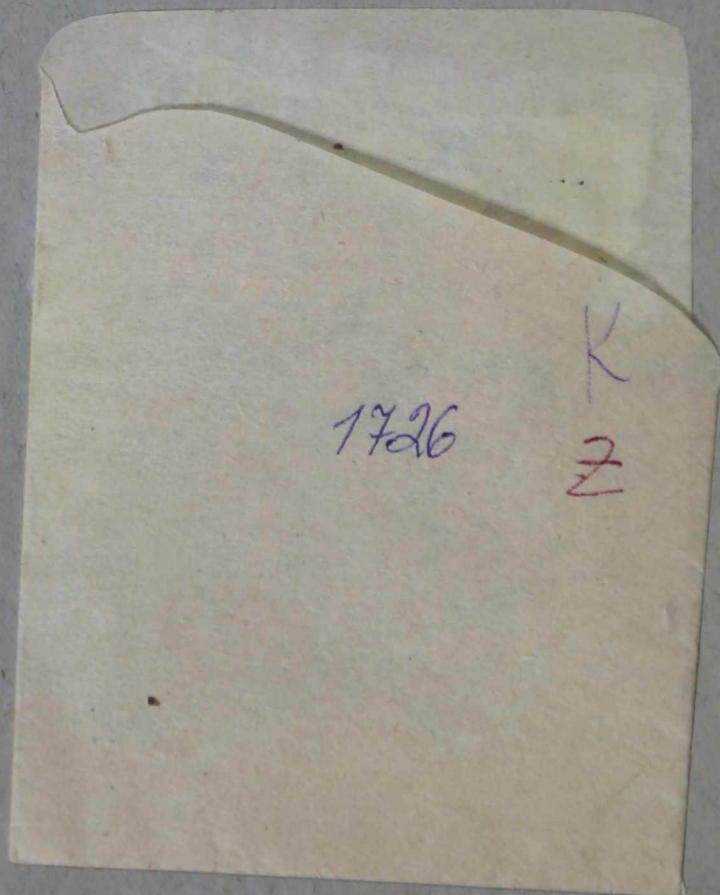
акад. В. П. ВОЛГИН (отв. редактор), акад.
Б. Д. ГРЕКОВ, Е. М. ЖУКОВ, С. П. ТОЛСТОВ,
В. В. АЛЬТМАН (отв. секретарь)

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
М. Н. Тихомиров — Начало возвышения Москвы . . .	97
Чл.-кор. АН СССР С. К. Богоявленский — Академик Юрий Владимирович Готье	109
О. В. Трахтенберг — Вильям Оккам и предистория английского материализма	117
Акад. В. В. Струве — Надпись Ксеркса о «дэвах» и религия персов	128

Авторефераты

М. Косвен — История проблемы матриархата	141
--	-----

М. Н. ТИХОМИРОВ

НАЧАЛО ВОЗВЫШЕНИЯ МОСКВЫ

В истории Москвы много неожиданного и необычного. Появившись впервые на страницах летописи в качестве небольшого пограничного пункта в середине XII в., через какие-нибудь полтора века Москва начинает привлекать к себе всеобщее внимание, а в начале XIV в. становится столицей Московского великого княжества. В 1367 г. тверской летописец пишет знаменательные слова, проникнутые завистью к могуществу московских князей: «на Москве почали ставити город камен, надеяся на свою на великую силу, князи русьскыи начаша приводити в свою волю»¹. Через тринадцать лет после этой записи московские полки выступали на Куликовском поле уже как основное ядро русских воинских сил, боровшихся с татарским игом. Москва возглавила борьбу с татарами и стала общепризнанным центром северорусских земель, чтобы в конце XV в. сделаться столицей объединенного Русского государства.

Нет ничего удивительного, что вопрос о причинах «возвышения Москвы» не сходил со страниц русских исторических трудов; в том или ином виде он требовал разрешения и какого-то объяснения, ибо нельзя же было признать случайностью быстрый политический рост Москвы.

Кажется, наиболее четко причины возвышения Москвы назвал в своем знаменитом курсе русской истории В. О. Ключевский. По его мнению, возвышению Москвы способствовали два условия: географическое положение Москвы и генеалогическое положение ее князя. «Первое условие сопровождалось выгодами экономическими, которые давали в руки московскому князю обильные материальные средства, а второе условие указывало ему, как всего выгоднее пустить в оборот эти средства, помогло ему выработать своеобразную политику, основанную не на родственных чувствах и воспоминаниях, а на искусном пользовании текущей минутой»².

В. О. Ключевский отмечает, что Москва возникла в пункте пересечения трех больших дорог. Река Истра, левый приток Москвы-реки, подходила близко к Ламе, притоку Шоши, впадающей в Волгу. Вторая дорога шла на Владимир по Яузе и Клязьме. С третьей стороны через Москву шла дорога с киевского и черниговского юга на Переяславль Залесский и Ростов. Эти географические выгоды рано привлекали население в московские пределы. Кроме того Москву можно было считать «если не географическим, то этнографическим центром Руси, как эта Русь размещена была в XIV в.». Что касается второй причины возвышения Москвы, генеалогического положения ее первых князей, то В. О. Ключевский отмечает, что «московские князья, начав свое дело

¹ Полное Собрание Русских Летописей, XV, 2-е изд., вып. 1 (Рогожский летописец), стр. 84.

Ключевский В. Курс русской истории, ч. II, изд. 3-е, стр. 14-15.

беззастенчивыми хищениями, продолжают его мирными хозяевами, скопидомными, домовитыми устроителями своего удела»¹.

Громадный талант В. О. Ключевского, сказавшийся и в его замечательных лекциях о первых московских князьях, тем не менее не спас его труды от явно ошибочных утверждений. Прежде всего сама характеристика географического положения Москвы не полна и в отдельных частях неточна. Кроме того опущен вопрос о причинах, по которым одно и то же географическое положение позволило Москве быть небольшим городом в XII в., второстепенным в XIII, а в XIV выдвинуло ее в ряды важнейших русских городов. Еще менее убедительна ссылка на генеалогическое происхождение московских князей и их особые приемы. Только историческая традиция, сложившаяся с XVIII в., заставляет считать Даниила и Юрия беззастенчивыми хищниками, тогда как их действия ничем не отличаются от действий других князей. Обман, насилие и даже преступление — типичные явления для эпохи феодальной раздробленности. Едва ли московские князья отличались и каким-то особым скопидомством по сравнению с другими княжескими родами. В духовной Калиты сквозит не скопидомность, а неприкрытая бедность, заставлявшая тщательно подсчитывать ковши и золотые пояса, которых было безусловно недостаточно для великокняжеской казны. Московский князь был сыном своего века, и только особое положение Москвы выделяло его среди других князей.

В литературу о причинах возвышения Москвы новое и интересное внес М. К. Любавский, обративший внимание на то, что в XII и большей части XIII в. население Суздальской земли группировалось преимущественно в средней и восточной части, а западная окраина ее, территория позднейших княжеств Московского и Тверского, была слабо заселена. Последующий рост ее населения объясняется повторными татарскими нашествиями, сдвигавшими население Суздальской земли на запад в течение всей второй половины XIII в.² Наблюдение М. К. Любавского очень ценно, но оно все таки не решает вопроса о возвышении Москвы, так как наряду с Москвой усиливается значение такого города, как Новгород Нижний, который уж никак нельзя считать отдаленным от Золотой Орды. Да и понятие безопасности Москвы от татарских набегов очень относительно. Напомним, что татары шли к Владимиру через Москву по обычной дороге из Рязани во Владимир. К тому же рост населения в западных частях Владимиро-Суздальской земли начался до монгол, которые нашли Москву довольно многолюдной. Следовательно, перед нами только одна из причин возвышения Москвы.

После Ключевского и Любавского вопрос о возвышении Москвы не разбирался с большей или меньшей полнотой в исторической науке. А. Е. Пресняков в своей большой работе об образовании великорусского государства, можно сказать, отмахнулся от этой проблемы следующими строками: «боевое значение Москвы, но уже не погранично-военное, а политико-стратегическое, определило в дальнейшем ходе исторических отношений ее роль, как центра новой организации боевых сил Великороссии, которая объединит их разрозненные элементы и восстановит утраченное единство великорусской борьбы на три фронта — на восток, юг и запад»³. В этой не вполне ясной фразе,

¹ Ключевский В. Курс русской истории. ч. II, изд. 3-е, стр. 1—15.

² Любавский М. К. Возвышение Москвы (Москва в ее прошлом и настоящем, т. I).

³ Пресняков А. Е. Образование великорусского государства, стр. 115, Петроград, 1915.

Эта
Беронос
домовит
Сид. Данил
Юрий
Владимир
но не
это
но «раск
Рязань
Курску
и др.

Ключевский
Любавский
Пресняков
не в Москве

но су
сильн
Народ
каль

впрочем, выражена мысль об особом центральном положении Москвы, оказавшем влияние на ее значение, как объединительницы русского народа.

Итак, перед нами несколько объяснений возвышения Москвы, в сущности не противоречащих, но взаимно дополняющих друг друга: рост населения в московских пределах, благоприятное географическое положение Москвы, особые таланты и приемы деятельности ее князей, Москва как ведущая сила в деле объединения русского народа. Таковы те основные причины возвышения Москвы, которые выдвигались нашими историками.

Значение всех этих факторов не приходится отвергать или преуменьшать. Однако нетрудно заметить, что все они имели не какое-то извечное значение, а могли сделаться ведущими только в определенное время и при определенных условиях. Население увеличивалось не только в районе Москвы, но и к западу от нее и, скажем, Звенигород или Руза были безопаснее Москвы в отношении татарских набегов. Никто не доказал, что тверские, нижегородские или рязанские князья были менее талантливы, чем московские. А ведущая роль Москвы в деле объединения русского народа является только производным из факта ее возвышения: ничтожный городок не мог бы играть такой роли, какая выпала на долю Москвы. Значит, нужны были особые условия, чтобы названные причины возвышения Москвы стали сказываться; иными словами, возвышение Москвы могло произойти только в определенное время, когда то, что до того было второстепенным, сделалось главным и определяющим. Поэтому правильнее говорить не о причинах, а о предпосылках возвышения Москвы, которые были необходимы для того, чтобы Москва появилась на мировой арене.

Известия о Москве XII в. еще ничем не предвещают ее будущего значения. Первое вполне достоверное известие о Москве читаем в летописи только под 1147 г. Во время войны с Новгородом суздальский князь Юрий Долгорукий послал к черниговскому князю Святославу Ольговичу приглашение приехать к нему «в Москов». Святослав приехал с сыном Олегом и малой дружиной в пятницу накануне праздника Похвалы Богородицы, который справлялся в субботу на четвертой неделе великого поста. День приезда князей в Москву приходится на 4 апреля 1147 г., дату, которую надо считать юбилейной в истории Москвы¹.

И. Е. Забелин в своей «Истории Москвы», приводя это известие, рисует картину богатой княжеской вотчины, к которой тянули многие села и деревни, обслуживавшие крупное княжеское хозяйство. И трудно не согласиться с этим замечательным исследователем Московской старины. «Обед силен», устроенный князем-хозяином в честь гостей, общее веселье, о котором сообщает летопись, плохо вяжутся с представлением о маленьком захолустном местечке, где нечем было угостить и встретить почетных гостей. Повидимому, уже в это время к Москве тянула большая сельская округа, для которой она являлась центром.

Из летописного известия не видно, была ли Москва в 1147 г. уже городом или только княжеской усадьбой. Но само название «Москов или Московь», под которым впервые появляется на страницах летописи новый город, заставляет думать, что уже в это время Москва была,

*а именно
не в летописи
о Москве
на афанасии
Скрипице*

¹ П. С. Р. Л., II, 29, см. Арцыбашев. Повествование о России, т. I, М., 1838, стр. 100, прим. 648.

именно городом. «Москов городок» — вот вероятное название будущей столицы России.

Для нас важно отметить, что название города совпадало с названием той реки, на которой он находился, а не произошло от какого-либо княжеского имени. Между тем во Владимиро-Суздальской земле было немало городов, названных по именам князей (Ярославль, Дмитров, Владимир, Юрьев и т. д.). Отсюда можно заключить, что поселение на Москве не являлось княжеским созданием. Действительно, в летописях встречается второе название Москвы, еще сохранявшееся в народной памяти во второй половине XIII в., — Кучково, связанное с легендарной повестью о некоем первом московском владельце боярине Кучке. (Кучково?)

Поздняя «Летопись о зачале царствующего великого города Москвы» так рассказывает о древней истории города и постройке его Юрием Долгоруким. «В Лето 6666 (1158) сему великому князю Юрию грядущу из Киева во Владимир к сыну своему Андрею, прииде на место, иде же ныне царствующий град Москва, обаполы Москвы реки. Сими же селы владающе тогда боярину некоему, богату суцу, именем Кучку Иванову; той Кучко возгордевся зело и не почте великого князя, и поносив ему. Князь же великий, не стерпя хулы, повеле боярина того смерти предати; сыны же его видев млады суци и лепы зело, именем Петр и Иоким, и дщерь едину благообразну, именем Улиту, отсла во Владимир ко Андрею. Сам же взыде на гору и обозре очима своими семо и овамо по обе страны Москвы реки и за Неглинною, возлюби села оныя и повелевает вскоре соделати мал древян град и прозва его Москва град». Уже Карамзин отметил исторические несообразности этого рассказа, например, то, что в 1158 г. Юрий Долгорукий уже умер, но он же признал, что весь рассказ, вероятно, основан «на древнем истинном предании»¹.

Известно и другое предание, совсем уже легендарного характера, которое восходит едва ли к более раннему времени, чем XVI в., и носит все черты народного устного сказания.

Эта повесть рассказывает, что на берегах Москвы когда-то стояли «красные села» боярина Кучки и его двух сыновей Кучковичей. Князь Данило убил Кучку, а двух его сыновей за их красоту взял к себе во двор. Братья понравились княгине Улите Юрьевне и стали ее любовниками. Преступная связь должна была обнаружиться и Кучковичи убили князя во время охоты.

Не имело бы смысла останавливаться на повести о начале Москвы, если бы в ней не было упоминания о боярине Кучке. Древнейшие летописи ничего не знают о боярине или тысяцком Кучке, но его дети, Кучковичи, и Петр, «зять Кучков», лица исторические. Они составили заговор против Андрея Боголюбского и убили его в 1174 г.

Имя Кучки осталось не только в легендах, но и в названиях местностей. В XIV в. в Суздальской земле упоминается волость «Кучка». Тогда же в Москве существовало «Кучково поле» в районе позднейших Сретенских ворот. Но самое важное это то, что еще во второй половине XII в. Москва носила двойное название: «Москва, рекше Кучково»². Таким образом предание, записанное в XVI—XVII вв., сохранило отзвук какого-то действительно события, связанного с именем

¹ Карамзин Н. М. История Государства Российского, т. II, прим. 302, из Синодальной рукописи (Гос. историч. музей в Москве), № 92; особый вариант этой повести был известен Татищеву, по которому Кучка был суздальским тысяцким.

² П. С. Р. Л., II, 118.

Рассказ
об
создании
града

Имя и
и
и
и
и
и

Кучки, первого владельца Москвы. В высокой степени примечательно само название «Кучково», с окончанием на «о», как обычно называют и до сих пор села в Московской области да и вообще в России. И так, «села красные» боярина Кучки («Кучково село») — это историческая реальность. Позже здесь возникает новый городок «Москов». Так, кажется, можно объяснить оба древнейших названия Москвы.

Место для нового городка, повидимому, было выбрано не сразу. В так называемой Тверской летописи сообщается, что в 1156 г. «князь великий (Юрий Володимеричь заложи град Москву на устье Неглинны, выше реки Аузы». Ученые не вполне доверяют этому известию, видя в нем позднейшее припоминание, тем более, что в 1156 г. Юрий Долгорукий находился на юге Руси и не мог строить городок на Москве¹. Однако, ошибочная дата не мешает принять самый факт построения городка Юрием Долгоруким, на которого как на основателя города Москвы упорно указывало предание. Особое внимание обращает на себя показание летописи о заложении города «выше реки Аузы» (т. е. Яузы). Автор записи каким-то образом связывал устье Яузы с известием о городке на устье Неглинной. Между тем в Москве еще в XVII в. существовало предание, что первоначальный — «градец малый», приписываемый легендарному Мосоку, был поставлен на устье Яузы. Он находился там, «иде же и днесь стоит на горе оной церковь каменная святого и великого мученика Никиты»². Высокий холм с церковью Никиты мученика, прекрасным памятником XVI в., и теперь возвышается над берегом Москвы. В Московской уставной грамоте 1486 г. за Яузой упоминается Городище. Относится ли это название к холму при устье или к другому месту, нам неизвестно. Может быть речь идет о Городище в районе Андрониева монастыря, следовательно несколько выше по реке Яузе, но важно, что такое городище было еще известно в Заяузье в конце XV в.

Возникновение московского городка было одним из проявлений княжеской деятельности XII в., но местность по Москве, конечно, была заселена задолго до Юрия Долгорукого, что подтверждается находками, сделанными на ее территории. При постройке здания Оружейной палаты были обнаружены две массивные серебряные витые шейные гривны. В разных местах Москвы (при устье ручья Черторья и у Симонова монастыря) были найдены диргеми IX в.³ Таким образом район Москвы был заселен задолго до XII в., что доказывается существованием ряда городищ в черте города. Уже Ходаковский, а вслед за ним Арцыбашев указывали на территории Москвы, по крайней мере, три городища. Одно находилось у Андроньева монастыря при впадении ручья Золотой рожок в Яузу, другое у церкви Николы в Драчах или Грачах, третье, «Бабий городок» на правом берегу Москвы-реки у бывшей Бабье-городской плотины⁴.

Первыми славянскими насельниками в этом районе было славянское племя вятичей, передвигавшееся с юга на север. Северная граница поселений вятичей шла от устья Яузы вниз по течению Москвы вдоль ее левого берега⁵.

¹ Платонов С. Ф. Статьи по русской истории, 2-е изд., СПб., 1912, стр. 78—79.

² Гиляров Ф. Предание русской начальной летописи. М., 1878, стр. 27.

³ Анучин Д. Н. Доисторическая Москва. М., 1909, стр. 44—45 (Москва в прошлом и настоящем).

⁴ Русский исторический сборник, изд. Обществом истории и древностей российских, кн. 3. М., 1828, стр. 35—36.

⁵ Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 213; Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930.

*и факты
только
тут*

*и факты
и факты
Дибково*

Впрочем, поселения вятичей, как и более старые поселения мери в этих местах, едва ли отличались крупными размерами, так как район Москвы долгое время оставался глухим уголком, о котором молчат наши источники. В известии 1147 г. Москва появляется на страницах летописи наряду со многими другими городами, о которых раньше не упоминалось не потому, что этих городов не существовало, а вследствие того, что летописи молчали об отдаленных углах, подобных стране вятичей.

Комментируя летописные известия о Москве, С. Ф. Платонов правильно отмечает ее пограничное положение. Москва «рисуетя как перекресток, от которого можно было держать путь и в Ростов, на север, и во Владимир, на северо-восток. Внутренние пути Суздальской Руси сходились в Москве в один путь, шедший на юг, в Черниговскую землю»¹. Москва занимала крайнее положение на западе Владимиро-Суздальской земли, дальше уже начиналось Смоленское княжество, к югу за Окой лежали земли черниговских, а на юго-востоке рязанских князей. Путь из Владимира шел по Клязьме до ее верхнего течения, а отсюда поворачивал на юг к Москве, вероятно, по Яузе, как это отметил еще И. Е. Забелин, указавший на существование села Мытищи в том месте, где между Яузой и Клязьмой лежит водораздельный участок, который проходили «волоком». Поэтому первоначальное местонахождение городка при впадении Яузы в Москву становится особенно вероятным. Низкий лужок, занятый теперь большим зданием б. Воспитательного дома, еще в XVI в. назывался «пристанищем», а гора на правом берегу Яузы у церкви Николы-Воробьино именовалась Гостиной горой².

Одновременно Москва является передовым пунктом по отношению к Рязанской земле, дорога из которой ко Владимиру шла кружным путем по Москве-реке и далее по Клязьме, так как между Владимиром и Рязанью тянулись непроходимые леса и болота. К Москве шла дорога из Черниговской земли, с направлением которой мы уже познакомились по известию 1117 г. (Там же путь на Москву.)

Действительно, анализ летописных известий вскрывает перед нами своеобразное положение Москвы, которая рано делается передаточным пунктом между Рязанью, Черниговом и Владимиром. В 1175 г. в Москве остановились по пути из Чернигова князь Ростиславичи, претендовавшие на владение Владимиро-Суздальской землей после смерти Андрея Боголюбского³. Один из них поехал из Москвы в Переяславль Залесский, другой направился во Владимир. Здесь ясно вырисовывается удобное географическое положение Москвы. Из Москвы можно идти не только во Владимир, но и в Переяславль, вероятно, через соседний Дмитров.

Москва становится местом сбора войск владими́ро-суздальских князей, направлявшихся походом в Черниговскую или Рязанскую землю. Собираясь идти против черниговских князей, Всеволод Большое Гнездо призвал к себе на помощь старшего сына Константина, который вместе с новгородским войском дожидался отца в Москве. Сюда же должны были прийти рязанские князья, шедшие вверх по Оке. Узнав о том, что рязанские князья замышляют измену, Всеволод сам вторгся в Рязанскую землю⁴. Исходным пунктом для этого вторжения была

¹ Платонов С. Ф. О начале Москвы. Статьи по русской истории, 2-е изд. П. 1912, стр. 81.

² Забелин И. Е. История города Москвы, стр. 20.

³ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, стр. 353—354.

⁴ Там же, стр. 408—409.

Москва. В свою очередь рязанские князья, нападая на Владимиро-Суздальскую землю, обрушиваются на Москву и ее разоряют¹. Замечательнее всего, что татары двигались из Рязани на Владимир в 1237 г. также через Москву, т. е. обычной и хорошо известной дорогой, которой пользовались русские в XII—XIII вв.

В XII в. Москва в летописи упоминается редко и только в связи с какими-либо военными событиями — ясный признак того, что Москва не выросла еще в сколько-нибудь значительный город. В это время она продолжает сохранять значение передового оплота Владимиро-Суздальской земли на ее западной окраине.

Немногочисленные известия о ранней Москве больше всего упоминают этот город в связи с военными действиями, но с конца XII в. появляются кое-какие признаки роста ее экономического значения. Сообщая о сожжении Москвы рязанским князем в 1177 г., летописец роняет драгоценные слова: «и пожже город весь и села». Итак, Москва не просто село или неукрепленный посад, а город, т. е. крепость, к тому же еще окруженная селами.

В начале XIII в. Москва впервые делается стольным княжеским городом. После смерти Всеволода Большое Гнездо в Москву едет его младший сын Владимир. Появление Владимира на московском княжеском столе стоит в какой-то связи с усобицей между сыновьями Всеволода. Летописец Переяславля Суздальского говорит, что Владимир был посажен в Юрьеве, но не захотел там княжить, бежал из него в Волоколамск, а оттуда на Москву. Значит, Москва делается более заметным городом, чем Юрьев, лежавший в плодородной местности между Суздалем и Переяславлем.

Беспокойный Владимир, впрочем, недолго сидел в Москве. Летопись сообщает о походе Юрия и Ярослава Всеволодовичей против их старшего брата Константина. Следствием этого похода явился перевод Владимира на княжеский стол в Переяславль Русский².

Однако Владимир не был пассивным зрителем войны между старшими братьями. Вместе с дружиной и «москвичами» он пошел к Дмитрову, «к Ярославлю городу брата своего», и осаждал Дмитров³. Таким образом, выясняется деталь в исторической карте начала XIII в. Москва — уже отдельный княжеский центр, тогда как Дмитров только пригород Переяславля, где княжит Ярослав Всеволодович.

Политический рост Москвы был тесно связан с ее экономическим ростом. О Москве как об относительно крупном городе по русским масштабам того времени говорится в известном документе о взятии Москвы татарами в 1237 г. В ту же зиму — читаем в летописи — татары взяли Москву и воеводу Филипа Нянка убили за правоверную христианскую веру, а князя Володимера «яша руками, сына Юрьева, а люди избиша от старца и до грудного младенца, а град и церкви святые огню предали и монастыри все и села пожгли и много имущества взяли»⁴. Московский князь Владимир — это малолетний сын великого князя Юрия Всеволодовича, племянник первого московского князя Владимира. Останавливает внимание указание на монастыри. Как ни малы были порой монастыри в древней Руси, они все-таки показатели некоторого городского благосостояния.

Впрочем, нет никакого основания чересчур преувеличивать значение Москвы в середине XIII в. Против такого преувеличения говорят не-

¹ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб, 1872, стр. 363, 413.

² Там же, стр. 416.

³ Летописец Переяславля Суздальского, стр. 112.

⁴ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб, 1872, стр. 438.

значительные размеры первоначального московского Кремля и тот несомненный факт, что от Москвы до-монгольского периода для позднейшего времени не сохранилось ничего, кроме воспоминания об единственной московской церкви Рождества Ивана Предтечи, построенной из деревьев того бора, который некогда рос на месте позднейшего Кремля.

Москва продолжала оставаться крайним западным оплотом Владимирского княжества даже тогда, когда из него стали выделяться, после смерти Всеволода Большое Гнездо, такие крупные княжества, как Переяславское и Ростовское. Она была соединена с Владимиром кратчайшим и удобнейшим путем по Клязьме, что оказало громадное влияние на ее дальнейшее политическое развитие. Близость Москвы к Владимиру объясняет нам попытку нового московского князя Михаила Ярославича Хоробрита (Храброго) захватить в свои руки владимирское великое княжение. Нет никакого основания сомневаться, как это делает Пресняков, в том, что Хоробрит был московским князем, так как Новгородская 4-я и Тверская летописи, основанные на ранних источниках, называют его прямо «князь великий Михайло Ярославич Московский». Хоробрит занял Московский стол в 1247 г. совсем еще молодым человеком, ему едва ли исполнилось в это время 25 лет. По своим военным талантам он походил на отца Ярослава Всеволодовича и на своего знаменитого брата Александра Невского. Опираясь на Москву, Михаил выгнал из Владимира своего слабого дядю Святослава Всеволодовича и захватил в свои руки великое княжение. С. М. Соловьев видит в поступке Хоробрита «полное невнимание ко всякому родовому праву, исключительное преобладание права сильного; Михаил не был даже и старшим сыном от старшего брата»¹. Но по-иному относились к московскому князю его современники, для которых право родового старшинства, видимо, значило меньше, чем способность к борьбе против врагов русского народа. Для них Михаил, погибший в 1248 г. в битве с литовцами, представлялся «героем», тело его было похоронено во Владимирском Успенском соборе епископом Кириллом².

Кратковременное княжение Михаила в Москве бросает новый свет на положение этого города среди других русских городов половины XIII в. После смерти Ярослава Всеволодовича его дети княжили в таком порядке: Старший — Александр (Невский) сидел в Новгороде, второй — Андрей находился неизвестно где (может быть в Переяславле), третий — Михаил, как мы видели, был в Москве. Тверь досталась младшему брату Ярославу Ярославичу. Раздача уделов и их последующее утверждение, по общему мнению историков, происходили при Ярославе Всеволодовиче (до 1246 г.). Выходит, что Москва представлялась в середине XIII в. достаточно завидным столом. А Михаил Хоробрит первый показал, что ближайшая дорога к великокняжескому столу во Владимире лежит через Москву, которая была стратегическим ключом с запада к бассейну Клязьмы.

После сообщения о смерти Михаила Хоробрита известия о Москве пропадают со страниц летописи почти на полстолетие. Москва со своим князем Даниилом Александровичем вновь появляется в летописях только в конце XIII в. Даниил был младшим сыном Александра Невского. В родословных росписях он показан четвертым с прибавлением к имени «Московский»³, так как его справедливо считали родо-

¹ Соловьев С. М. История России. Кн. 1, стр. 837, изд. «Общ. польза».

² Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб, 1872, стр. 448.

³ П. С. Р. Л., XVIII, 24.

мена западного Ирана. Они же и по языку выделяли себя среди прочих народов державы Ахеменидов, по крайней мере об этом свидетельствует персепольская надпись Дария, составленная на вавилонском языке. Согласно надписи, Ахурамазда передал царю Дарию господство «на этой широкой земле, на которой (имеются) многочисленные страны, Персия, Индия и другие страны другого языка»⁵⁸. Если Ахурамазда был богом арийцев, т. е. мидян и персов, то, очевидно, «другие боги, которые существуют», были божествами «других стран, другого языка» стран, покоренных державе Ахеменидов силой оружия. Поскольку «Ахурамазда и другие боги, которые существуют», обнимали собой не только богов круга Ахурамазды, но и богов завоеванных областей, то и данный пантеон не мог защищать одну лишь «эту страну», т. е. Персию», о чем просит Дарий Ахурамазду в своих надписях: «меня да защитит Ахурамазда от зла и мой род и эту страну»⁵⁹. Поэтому Ксеркс молится в своих более поздних надписях о защите своей «державы» (aaš)kī⁶⁰, а не только одной «этой страны»⁶¹.

На основании всего сказанного я прихожу к выводу, что почитание богов завоеванных стран как Востока, так и Запада не было уничтожено Ксерксом, и поэтому нельзя интерпретировать разрушение храмов дэвов, засвидетельствованное во вновь найденной надписи Ксеркса, как общее мероприятие, направленное против культов покоренных стран. Правда, против такого широкого толкования текста надписи уже выступали некоторые исследователи, указывавшие на то, что персидский текст говорит якобы об одной восставшей стране и об одном разрушенном храме. Поэтому было высказано мнение, что в надписи Ксеркса нашло свое отражение чисто местное мероприятие⁶², в частности было выставлено предположение, что конкретное указание персидского текста об уничтожении храма дэвов имеет отношение к указанному Геродотом (I, 183) похищению Ксерксом золотой статуи Бэла-Мардука из центрального вавилонского святилища⁶³. Такое ограничительное толкование событий, имевших свой отклик в надписи Ксеркса, является мало вероятным уже ввиду того соображения, что в тексте, как мы выше видели, речь идет «не об одном капище дайвов, а о капищах». Вместе с тем, оно является невозможным в виду хронологических соображений, поскольку похищение Ксерксом статуи Бэла-Мардука из вавилонского храма Эсагила относится к более позднему году правления Ксеркса, нежели момент составления надписи. Дело в том, что надпись Ксеркса о дэвах должна быть датирована самым началом царствования его, потому что отдельные разделы надписи начинаются формулой «говорит Ксеркс царь», а не «говорит Ксеркс царь великий», как это имеет место в более поздних надписях Ксеркса⁶⁴. За ту же столь раннюю датировку надписи говорит и заключительная ее формула: «меня Ахурамазда да защитит от злого и мой род и эту страну». В более поздних надписях Ксеркса эта формула, как мы выше видели, заменялась другой: «меня Ахурамазда да защитит вместе с богами и мою державу и то, что мной построено»⁶⁵.

Надлежит отметить, что последняя формула о защите богами державы Ксеркса была введена писцами в формуляр царских надписей еще до того, как Ксеркс принял титул «царь великий», в качестве постоянного и неизменного определения силы его власти. Об этом свидетельствует так называемая гаремная надпись Ксеркса, которая относится также несомненно к первым годам царствования Ксеркса, поскольку она посвящена истории решения вопроса о престолонаследии Ксеркса. Третий, четвертый и пятый разделы этого эпиграфического

памятника начинаются еще старой формулой «говорит Ксеркс царь», но уже его конечная формула гласила: «меня Ахурамазда да защитит и мою державу и то, что мной построено, и то, что моим отцом построено, все это да защитит Ахурамазда»⁶⁶. Следовательно, надпись о дэвах была составлена еще до гаремной надписи с ее более поздней заключительной формулой и должна быть отнесена нами к самому началу царствования Ксеркса.

Титул «царь великий» Ксеркс принял в 480—479 гг., после победы над Афинами и после подавления великого вавилонского мятежа. С этого времени новая формула сопровождает неизменно в надписях его имя. Поэтому отсутствие формулы «говорит Ксеркс царь великий» дает основание считать, что слова надписи о разрушении храмов или капищ дэвов не могут быть отнесены к событиям в Вавилоне. Они должны быть отнесены к каким-то явлениям самого начала царствования Ксеркса, момента вступления его на престол. Тем самым отпадает также полностью концепция, предложенная французским ученым Изидором Леви. Последний полагал, что разрушение храмов дэвов в надписи Ксеркса следует отождествить с разрушением персами афинских храмов в 480 г.⁶⁷

Если Герцфельд был прав, когда отвергал предположение Кёнига об отождествлении храмов дэвов надписи Ксеркса с храмами Мардука, Амона и т. д., то он сам высказал, в свою очередь, в связи с данной проблемой, совершенно неправдоподобное предположение. Он допускает, что Ксеркс разрушил некоторые большие иранские храмы огня, находящиеся, вероятно, в Индии⁶⁸. Подобное предположение, конечно, должно быть полностью отвергнуто, поскольку огонь почитался и в западном Иране эпохи Ахеменидов, согласно свидетельству всех греческих источников. Этот культ огня восходит еще ко времени до Ахеменидов. Также и Фирдоуси и другие авторы средневековья говорят о древности этого культа. На рельефах ассирийских дворцов, увековечивших славы деяния ассирийских войск, мы находим в сценах осады и взятия мидийских поселений изображения алтарей огня, которые напоминают сосуды огня, применяющиеся в культе парсов. Эти же мидийские алтари огня VIII в. близки к тем алтарям огня, которые стояли под открытым небом на горах над Персеполею⁶⁹. Алтари огня выполняли иные функции культа, нежели жертвенные алтари греков, и поэтому Геродот имел полное право заявить, что персы не знали алтарей, т. е. алтарей, свойственных греческому культу.

Другим решающим аргументом, опровергающим предположение Герцфельда об отождествлении храмов дэвов с храмами огня, является формула «arša drazmāniy», интерпретированная мной на основании исследования А. А. Фреймана «через право (т. е.) через священный огонь». Если Ксеркс издавал повеление почитать Ахурамазду через «священный огонь», то, конечно, он не мог одновременно уничтожать места почитания огня. Если же капища дэвов не были ни храмами богов Вавилонии, Египта, ни местом почитания огня, то встает вопрос о том: чем же были тогда эти капища дэвов?

Я полагаю, что храмы или капища дэвов надписи Ксеркса не могли быть ничем иным, как храмами древних богов иранского пантеона, за исключением Ахурамазды и богов его круга. Из annales ассирийских царей мы можем узнать о существовании у мидийских племен этих древних «дайва» и о специфическом характере каждого из них, поскольку ассирийские писцы сопоставляли их со своими богами — Нергалом, Набо, Сином и т. д. Так, в annales ассирийского царя Сар-

гона II под 716 г. повествуется о взятии мидийского поселения «Кишешим» и о переименовании и его в «Кар-Нергал», т. е. «город Нергала», Подобные переименования мидийских поселений засвидетельствованы анналами Саргона II для 715 и 714 гг. Так, мидийское название «Кишешлу» заменило ассирийское «Кар-Набу», мидийское «Киндан» стало «городом Сина», мидийское «Акзарна» превратилось в «город Адада» и, наконец, «Пит-Багайя» уступило место ассирийскому названию «Кар-Иштарх» — город Иштари⁷⁰. Я полагаю, что в некоторых из этих имен мидийских городов скрывается имя одного из богов иранского пантеона. Несомненно, имя мидийского божества скрывается в имени города «Пит-Багайя», переименованное в «Кар-Иштари», «Багайя, очевидно, восходит к иранскому «бага», обозначавшему первоначально не божество вообще, но одно из божеств иранского пантеона — Митру. Митра же, как мы выше видели, был, согласно Геродоту, женским божеством, или, вернее, андрогинным божеством, в котором греческий историк усмотрел лишь его женское начало. Я не сомневаюсь в том, что в данных мидийских городках почитались боги, близкие по своему характеру ассирийским Нергалу, Набо, Ададу и т. д., т. е. великие боги древнего иранского пантеона. Храмы этих богов и были разрушены по повелению Ксеркса.

Правда, Кёниг указывает на то, что мидяне не строили храмов своим богам. По крайней мере, ассирийцы, сообщая о разрушении храмов враждебных народов, не отмечают подобного при походах в область Мидян⁷¹. Подобное соображение Кёнига не имеет, конечно, силы для времени Ксеркса. Ведь за предшествующие столетия, когда имели место интенсивные сношения племен западного Ирана с ассирийской цивилизацией, мидяне и персы могли научиться под влиянием ассирийского культа воздвигать храмы, как они научились создавать образ Ахурамазды по образу бога Ашура⁷². Наконец, они могли научиться воздвижению храмов также и ознакомившись с урартийской культурой. Здесь еще в 714 г. войска Саргона II разрушили храм бога Халда при взятии города Мусасира⁷³. Вероятно, храмы дэвов, разрушенные Ксерксом в 485 г., были в архитектурном отношении очень близкими храму Мусасира и другим храмам урартийской области.

Вместе с разрушением храмов и уничтожением культа дэвов Ксеркс, конечно, запретил оглашать их имена, и поэтому Геродот и не упоминает их имен, а называет одни лишь силы природы — солнце, луну, воду, огонь, ветры. Отсутствие имен богов иранского пантеона в повествовании Геродота весьма знаменательно. Уничтожение имен богов и превращение их в простые силы природы имело для древнего человека большую значимость. Ведь уничтожение имени было равносильно уничтожению носителя имени. Характерно, что Геродот, который так интересуется всегда вопросами религии, не упоминает никаких других иранских богов, кроме Зевса (т. е. Ахурамазды) и Афродиты — Митры. Между тем о богах египтян, скифов, эллинов и т. д. он неоднократно говорит.

Если «отец истории» умалчивает об именах персидских богов, то из этого следует, что реформы Ксеркса, имевшие целью уничтожение культа древних племенных богов Ирана, имели успех. Эти реформы несомненно, перекликаются с зороастризмом, объявившим «*daiva*» злыми повелителями мира (Ясна, 44, 20).

Таким образом данные Геродота о религии персов находят в самых существенных пунктах подтверждение в надписи Ксеркса о *daiva*. Установленная мной датировка этой надписи 485 г. имеет большое зна-

чение для решения вопроса о зороастризме Ксеркса и первых Ахеменидов. Дело в том, что при датировке надписи Ксеркса 485 г. можно поставить ее в связь с введением авестийского календаря, установленного, по мнению некоторых исследователей, в это же время. Указанный синхронизм дает нам возможность поставить по-новому проблему о религии Ахеменидов — проблему, столь значительную и для истории Ирана, и для истории религии.

Примечания

1. В. В. Бартольд, К истории персидского эпоса (Зап. Вост. отд. Арх. об-ва, т. XXII, 1915, стр. 257 сл.).
2. См. W. Geiger, *Ostiranische Kultur im Altertum*, Erlangen, 1882.
3. J. Hertel, *Die Zeit Zoroasters (Indo-Iran. Quellen u. Forschungen)*, Лейпциг, 1924; его же, *Achaemeniden u. Kayaniden* (там же); его же, *Beiträge zur Erklärung der Awestas u. der Vedas (Abhandl. d. Philol.-hist. Kl. d. Sächs. Akad. d. Wiss., XL, № II, Лейпциг, 1929. E. Herzfeld, Archaeological History of Iran, London, 1935; его же, Altpersische Inschriften, Берлин, 1938. F. König, Der falsche Bardija, Вена, 1938; его же, Relief u. Inschrift des Königs Darius, Вена, 1938.*
4. См. J. Charpentier, *Bull. of the School of Oriental Studies, London, Institute, 1925, m. III, r. IV, стр. 1747. H. S. Nyberg, Die Religionen des alten Iran (Mitt. d. Vorderas.-Ges., 43 т.), Лейпциг, 1938, и др.*
5. См. мою статью «Отражение Геродотом политических теорий Западного Ирана», печатающуюся в Трудях Ин-та истории и археологии Академии Наук Узб. ССР.
6. Геродот, I, гл. 131, 1—4.
7. Простую ошибку Геродота видит здесь даже вдумчивый переводчик Геродота Ф. М. Мищенко (т. II, стр. 515), который в общем всячески защищал отца истории от несправедливых нападок.
8. История Древнего Востока (изд. 1935 г.), т. II, стр. 148.
9. См. Chr. Bartholomae, *Arische Forschungen*, II вып. (1886), стр. 122—123.
10. Геродот, IX, гл. 122.
11. Там же, I, гл. 89.
12. Строки 5—7 памятника. См. E. Herzfeld, *Altpersische Inschriften* стр. 1—2.
13. Геродот, V, гл. 105.
14. Там же, VII, гл. 40 и VIII, гл. 115.
15. Там же, VII, гл. 56; гл. 220.
16. Там же, VII, гл. 54.
17. Там же, VII, гл. 37.
18. См. F. Justi, *Geschichte des alten Persiens*, 1879, стр. 83. См. об этом ниже.
19. Геродот, III, гл. 16
20. Там же, III, гл. 114.
21. Там же, VII, гл. 32, 132, 133.
22. Там же, I, гл. 138.
23. Ясна, 38, 5.
24. Геродот, VII, гл. 35.
25. Яшт, XIV, 1, 2.
26. Геродот, VII, гл. 191.
27. *Archaeol. Hist. of Iran*, стр. 39.
28. Первичная публикация памятника, снабженная транскрипцией и переводом (Herzfeld, *Archaeol. Mitteil. aus Iran*, 1937, стр. 56 сл.), мне пока недоступна. Я использовал перевод надписи, данный Герцфельдом в его труде «*Altpersische Inschriften*», 1938, стр. 35 сл. Между обоими переводами имеются лишь небольшие отличия. Я располагал также полным переводом текста, сделанным Л. Ельницким (Вестн. др. ист., 1940, № 2, стр. 168 сл.) на основании переводов Герцфельда и Кента (*Language*, т. XIII, 1937, № 4) и частичных переводов (строк 28—41-й) Гартмана (*Orientalist. Literaturzeit.*, 1937, № 3) и Леви (*Revue histor.*, 1939, № 1). Мною были привлечены частичные переводы Нюберга (Указ. соч., стр. 364—365) — интерпретация 28—56-й строки, Кёнига (*Der falsche Bardija*, стр. 96) — интерпретация 35—41-й строки и А. А. Фреймана (Вест. др. ист., 1940, № 2, стр. 127) — интерпретация 30—41-й строки. Большую пользу при переводе мне оказал богатый комментарий Герцфельда, в виде словаря, приложенный к его труду 1938 г.
29. Вплоть до конца третьего раздела вновь найденная надпись Ксеркса почти тождественна с давню известной накширустамской надписью Дария I. С четвертого раздела начинается та часть надписи, которая выдвигает этот текст на одно из первых мест среди древнеперсидских эпиграфических памятников.
30. «*yauda*», Аорист, 3 л. мн. ч. от глагола «*yaud*», «быть в восстании, в волнении». Ср. Herzfeld, *Altpersische Inschriften* стр. 342, сл. К переводу строки см. А. А. Фрейман, Указ. соч., стр. 127.
31. В тексте надписи мы имеем «в ней». Эта описка обусловлена зависимостью составителя надписи от N. i. R. а Дария I.

32. Я пользуюсь адекватным переводом этого слова «*daivadaṇa*», предложенным А. А. Фрейманом, Указ. соч., стр. 127. Он же переводит подобно Герцфельду и Ньюбергу «капища дэвов» во множественном числе, хотя в самом тексте оно поставлено в единственном числе: «то капище дэвов» (в вавилонской версии надписи мы читаем: «эти дома зла»).
33. К переводу этого слова (*yadaṇa*) см. Ньюберг, Указ. соч., стр. 477.
34. Пониманию данных двух религиозных терминов, поставленных в столь тесную связь друг с другом надписью Ксеркса, я существеннейшим образом обязан резюме исследования, подготовленного А. А. Фрейманом, «Древнеперсидское *baṛaṣṭama*». Резюме будет напечатано в ближайшее время в первом выпуске «Хроники» Института востоковедения Академии Наук СССР. Кроме исследования А. А. Фреймана, см. также обстоятельный комментарий соответствующих терминов в «*Altpersische Inschriften*» Герцфельда и интересные наблюдения Кёнига в «*Der falsche Bardija*», стр. 96.
35. Очевидно, «правым» (причастным к арта) становился человек в результате загробного суда, Ср. обозначение покойного в древнем Египте «правогласым», т. е. «оправданным» на суде перед Осирис. Если, согласно надписи Ксеркса, «арта» и «священный огонь» сопоставлялись, то «правым» «артава» являлся тот, кого очищал священный огонь.
36. Последний раздел надписи о дэвах опять почти совпадает с некоторыми частями накширустамской надписи а Дария I.
37. Оно сохранилось полностью в 42 и 45-й строках эламской версии.
38. Строки 34, 42 и 45 вавилонской версии.
39. В строках 41, 51 и 54 надписи.
40. Я цитирую слова А. А. Фреймана из его вышеупомянутой статьи «Древнеперсидское *baṛaṣṭama*». Тем самым А. А. опровергнул перевод Хартманном этой формулы: «*durch Gerechtigkeit und bei den Opferzweigen*» (*Orient. Literaturzeit.*, 1937, № 3).
41. Ньюберг, Указ. соч., стр. 367.
42. См. *Ch. V arholoma e*, *Handbuch der altiranischen Dialekte*, Лейпциг, 1883, стр. 230.
43. А. А. Фрейман, Указ. соч., стр. 5.
44. Кёниг, *Der falsche Bardija*, стр. 70, пр. 2 и А. А. Фрейман, там же.
45. «*vi-kaṇ*» — «разрушать», «сравнить с лицом земли». См. Герцфельд, Указ. соч., стр. 225.
46. Указ. соч., стр. 345—346.
47. Указ. соч., стр. 365.
48. Геродот, VII, гл. 1.
49. Там же, гл. 7.
50. См. В. В. Струве, Подлинная причина разрушения иудейского храма на Элефантике в 410 г. до н. э. (*Вестн. др. ист.*, 1939).
51. Бехистунская надпись, IV, строки 60—61 и 62—63.
52. Персепольская надпись d, строки 1—2.
53. «*Nada vidaibiš багаibiš*» — «со всеми богами» в персеп. надписи d, строки 14—15, 22 и 24. К сожалению, персепольская надпись d не снабжена ни эламской, ни вавилонской версиями. В персепольской надписи f, составленной только на эламском языке, и в персепольской надписи g, составленной только на вавилонском, мы имеем формулу «Ахурамазда со всеми богами». Всю аргументацию в пользу перевода «Ахурамазда со всеми богами» дает Герцфельд, *Altpersische Inschriften*, стр. 108 сл. Этот последний труд Герцфельда был еще недоступным Ньюбергу.
54. Надпись на горе Эльвенд, строки 1—2 и надпись Вана, строки 1—2.
55. Персепольская надпись b, строки 27—29 персепольская надпись c, строки 12—13, персепольская надпись d, строки 17—18, надпись Вана, строки 25—26.
56. *Weissbach*, Указ. соч., стр. 65, пр. а § 62 и пр. h к § 63 бехистунской надписи.
57. См. по этому вопросу резюме моего исследования «Арийская проблема» в «Записках Института востоковедения».
58. *Weissbach*, Указ. соч., стр. 85. В дальнейшем, во втором своем параграфе надпись опять говорит о «Персии и Мидии и других странах других языков».
59. Накширустамская надпись a, строки 51—53.
60. Персепольская надпись a, строки 18—19; персепольская надпись b, строки 27—30; персепольская надпись d, строки 17—19; надпись Вана, строки 25—27. Согласно Кёнигу (*Der falsche Bardija*, стр. 98), уже в документе основоположения дворца Дария I в Сузах «страна» заменена «державой».
61. Столь просто объясняется замена «страны» «державой» в молитвенных формулах о защите. в надписях Ксеркса. Для этого не требуется создания вокруг Ксеркса «маленького философского кружка, возглавленного Заратуштрой», как это предлагает сделать Кёниг, Указ. соч., стр. 100.
62. Такова точка зрения Кента в *Language*, т. XIII, № 4, стр. 305. Я цити-

- рую статью Кента по Л. Ельницкому, Указ. соч., стр. 170.
63. Это предположение было выставлено Гартманом в *Oriental Literaturzeitung*, 1937, № 3 (март). Гартманая также сейчас цитирую по статье Л. Ельницкого (Указ. соч., стр. 170). То же высказал и Кёниг (Указ. соч., стр. 96) наряду с приведенным широким толкованием событий, отмеченных надписью Ксеркса.
64. См., например, персепольскую надпись B, строки 21—23.
65. Здесь же, строки 27—30.
66. Строки 45—48 надписи.
67. См. Л. Ельницкий, Указ. соч., где дано подробное изложение исследования Леви и некоторые весьма ценные критические замечания.
68. *Altpersische Inschriften*, стр. 208.
69. См. T a v a d i a, *Zum iranischen Feuerempel in Orient. Literaturzeitung*, 1943, столб. 57.
70. Weissbach в *Pauly-Wissowa*, I т., 2 ч. (II серия), столб. 2503—2504.
71. F. W. König, *Aelteste Geschichte der Meder und Perser*, 1934, стр. 58.
72. Б. А. Тураев, *Ист. др. Востока*, стр. 147.
73. Б. Б. Пиотровский. *История и культура Урарту*, Ереван, 1944, табл. III, где дан рельеф из дворца Саргона, изображающий разграбление ассирийцами храма бога Халда в Мусасире.

АВТОРЕФЕРАТЫ

ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ МАТРИАРХАТА

Вопрос о матриархате может служить разделительным признаком прогрессивного и реакционного направлений в общественной науке. В то время как вся прогрессивная наука признает матриархат как определенную стадию в развитии первобытного общества, реакционное направление либо начисто отрицает матриархат, либо сводит его к неким «курьезам». Исследование проблемы матриархата во всей ее широте еще составляет задачу науки, историография же этой проблемы является необходимым введением к такому исследованию.

История проблемы матриархата начинается с античности, с этого времени начинается и накопление конкретного исторического и этнографического материала о матриархате. Писатели древней Греции и древнего Рима сообщают ряд известий о матриархальных порядках у «варваров», причем особое место в сообщениях античных авторов занимает предание о женщинах-амазонках. Однако эти сообщения не суммируются, не обобщаются и не ставятся в план общественно-исторический. Первобытное общественное состояние представляется античной мысли в виде господства патриархальной семьи — взгляд, получивший впоследствии название «патриархальной теории» (Платон, Аристотель).

Эта теория получает широкое признание и развитие в средневековой европейской науке; ее своеобразно используют идеологи феодальной монархии, которые из начальной патриархальной власти отца семейства выводят власть монарха — «отца народа» (Боден, Фильмер, Кемберленд, Боссюэ, Флери).

Тем временем ранние путешествия на Восток, в особенности в Индию, приносят некоторые известия о матриархальных порядках восточных народов, в частности известия о матриархате у наядров, народе, становящемся постоянным примером общества, организованного на матриархальных началах. Новый и обильный, все более расширяющийся материал по матриархату начинает накапливаться с открытием Америки, и здесь образцом матриархального обще-

ства становятся ирокезы. Выдающуюся веху в истории проблемы матриархата составляют сочинения Лафито (1724), который дал первое подробное описание матриархата у ирокезов и гуронов. Наряду с тем, в Южной Америке обнаруживаются якобы сохранившиеся амазонки.

Распространившаяся в эту эпоху идеализация первобытного состояния и вместе с тем идеализация современных «дикарей» (теория «примитивизма», *théorie du bon sauvage*), получившая наиболее яркое выражение в XVIII в. (Руссо и др.), остается, однако, на почве патриархальной теории. Более того, господствует представление о «рабстве» женщины в первобытном обществе, причем характерным образом это представление не колеблет идеализации первобытности.

Накапливающиеся данные о матриархате попрежнему не суммируются и не обобщаются. Однако уже Гоббс (XVII в.) выставляет оригинальное положение о начальном господстве женщины, которое он выводит из первобытного отсутствия постоянного брака и из неизвестности отца. Тезис этот составляет первое в истории науки выражение идеи матриархата и надолго входит в обиход науки. Наряду с тем, в особенности в XVIII в., широкое распространение получает тезис о начальном промискуитете (беспорядочных отношениях полов).

Новую значительную веху в истории проблемы матриархата составляет сочинение Дж. Миллара (1771), содержащее, помимо развития тезиса Гоббса, подкрепленного историческим и этнографическим материалом, первую в истории науки характеристику матриархата как общественного порядка, однако, согласно Миллару, не универсального, а свойственного лишь «некоторым странам».

Для первой половины XIX в. характерно снижение интереса к первобытному и «доисторическому». Патриархальная теория продолжает и в этот период господствовать наряду с широким признанием тезиса о начальном промискуитете. Широко распространен-

также тезис о начальном рабстве женщины, положение которой постепенно улучшается — в духе «теории прогресса». На этом фоне особняком стоит относящаяся к концу 50-х гг. XIX в. работа ориенталиста Экштейна, доказывающего, что матриархат составляет специфическую особенность «хамитических» народов и не свойственен ни арийцам, ни семитам. Экштейн является, таким образом, создателем своеобразной расовой теории матриархата, причем матриархат у него выступает в качестве порядка антисоциального.

Крупнейшее значение для развития учения о матриархате имело происшедшее к середине XIX в. накопление данных о роде как ранней общественной форме. Однако, род признавался только для арийских народов — это была своеобразная «арийская теория» родового строя.

Решающая роль в создании учения о матриархате принадлежит гениальному швейцарскому историку И. Я. Бахофену. В своем знаменитом «Материнском праве» Бахофен впервые в истории науки, на фоне общей схемы развития первобытного общества, истолковал матриархат как универсальную, свойственную всему человечеству, ступень общественного развития, сменяемую патриархатом. Особое значение имело то, что Бахофен доказал существование матриархата в прошлом древних греков и римлян. Однако у Бахофена матриархат оказался совершенно оторванным от идеи рода и получил преимущественно юридическое и религиозное истолкование. Замечательным фактом является то, что взгляды Бахофена получили наиболее раннее и широкое признание в России, где первым его последователем был С. С. Шашков (за ним Лавров, Буслаев, Михайловский, Вс. Миллер). На Западе же Бахофен оставался некоторое время почти совершенно неизвестным или непризнанным.

Между тем, почти одновременно с Бахофеном выступил Мак Леннак, в свою очередь признавший матриархат как универсальное явление, однако в крайне узком его понимании — как материнского счета прохождения и родства, и в этом ограниченном понимании идея матриархата получила некоторое распространение (Леббок, Жиро-Телон, Спенсер, Гельвальд). Однако одновременно выступил Г. С. Мэн с энергичной защитой патриархальной позиции, имевший в свою очередь сильное влияние, в особенности среди «индо-европейцев».

Следующее за Бахофеном крупнейшее место в истории проблемы матриархата принадлежит великому американскому ученому Л. Г. Моргану. Развив в своем «Древнем обществе» учение о роде как основной общественной форме перво-

бытной эпохи и заимствовав у Бахофена идею матриархата, Морган соединил эту идею с идеей рода. Морган создал понятие материнского рода, который сменяется отцовским родовым строем. Однако Морган не разработал учения о матриархате и лишь открыл путь к дальнейшему развитию этого учения. Морган положил начало научной истории первобытного общества. По мере распространения нового учения начало распространяться также и признание универсально-исторического места матриархата. С этого времени начало сказываться и влияние Бахофена. Большое значение имело доказательство существования матриархата в прошлом семитических народов (Робертсон Смит, Вилькен, Фентон и др.) и у древних германцев (Даргун, Сокольский и др.).

Неизмеримо велика заслуга Энгельса в истории проблемы матриархата. В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс подверг глубокой переработке концепцию Бахофена-Моргана, особо остановившись на истолковании перехода от матриархата к патриархату. Труд Энгельса, определил полную победу нового учения о первобытности, нанес полное поражение патриархальной теории и в центр разработки первобытной истории поставил проблему матриархата. Это привело к признанию матриархата в широком объеме рядом авторов (Бастиян, Пост, Гельвальд, Тэйлор, Ковалевский) и к возникновению довольно обильной специальной литературы на тему о матриархате. Длинный ряд частных вопросов, входящих в эту проблему, подвергся разработке, был привлечен новый обширный материал, матриархат и его отдельные элементы отныне вошли прочно в поле зрения этнографии.

Господство нового учения о первобытности вместе с признанием матриархата, как универсально-исторической ступени общественного развития, однако, продолжалось сравнительно не долго. Конец 90-х гг. XIX в. знаменуется реакцией и контратакой патриархальной теории, возглавленной датчанином Старке и финляндцем Вестермарком. Основной тезис Старке — противопоставление двух путей развития первобытного общества: земледельческого и скотоводческого, причем матриархат, — однако, в самом ограниченном понимании, — Старке признает только для отсталых земледельцев. Вестермарк вообще не признает истории семьи и сводит отступление от патриархальных начал к «курьезам» или «случайностям». Взгляды Старке получили широкое распространение (Кунов, экономисты Брентано, Гильдебрандт, Гроссе и др.). Развитие взглядов Старке представляют собой те положения о матриархате, которые выставляются в новых направле-

ниях зарубежной этнологии — в «теории культурных кругов» (Гребнер) и в «культурно-исторической школе» (Шмидт).

Под давлением все умножающегося этнографического материала Шмидт вынужден признать матриархат в довольно широком понимании, однако только у остальных «цветных» народов, но не у «арийцев».

Новейшая зарубежная буржуазная этнология характеризуется отказом от историзма, отрицанием рода, отрицанием универсальности матриархата. Между тем, конкретный материал по матриархату, неизменно умножаясь, дает грандиозное основание для новой трактовки

данной темы. Открытие новых памятников по истории древнейших цивилизаций обнаруживает стойкие пережитки матриархата в обществах древнего Востока, у египтян, хеттов, древних евреев и др., что нашло отражение в довольно обильной вновь вышедшей специальной литературе.

Советская наука дала по вопросам матриархата ряд частных и обобщающих исследований (Дыренкова, Ефименко, Косвен, Кричевский, Матье, Рязевская).

Широкое и всестороннее исследование проблемы матриархата является очередной задачей советской науки.

М. Косвен

Л66304

Ответственный редактор Академик В. П. Волгин

Л66304	Подписано в печать 8.VII. 1944 г.	3 печ. л.	4,5 уч.-изд. л.
	Тираж 1 000 экз.	Цена 6 руб.	Зак. 609

18-я типография треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при СНК РСФСР,
Москва, Шубинский пер., д. 10

Цена 6 руб.